

УДК 821.161.1+271.2 (571)
DOI: 10.17223/19986645/66/13

С.В. Мельникова, Е.В. Жданова

ПОЭТИЧЕСКИЕ ОПЫТЫ ВОСТОЧНОСИБИРСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА XVIII – НАЧАЛА XX в. (ПО МАТЕРИАЛАМ ЕПАРХИАЛЬНОЙ ПЕЧАТИ)

Рассматривается поэтическое творчество православного духовенства Восточной Сибири как явление церковной культуры и составляющая регионально-литературного процесса XVIII – начала XX в. В научный оборот вводятся ранее неизвестные имена и тексты. Описывается жанрово-тематический репертуар сочинений. Даются краткие очерки жизни и творчества наиболее значительных поэтов. Исследование проведено на материалах Иркутских и Забайкальских епархиальных ведомостей.

Ключевые слова: духовная поэзия, Восточная Сибирь, православное духовенство, епархиальные ведомости.

Представителями восточносибирского православного духовенства XVIII – начала XX в., только на основе подсчета публикаций в Иркутских и Забайкальских епархиальных ведомостях, было создано более 100 оригинальных поэтических текстов. В ходе дальнейших исследований и расширения круга источников за счет других периодических изданий и привлечения архивных документов количество подобных текстов может существенно возрасти. Но уже сейчас очевидно, что поэзия духовенства представляет достаточно значимый, в масштабах дореволюционной областной литературы, пласт сочинений. Однако он до сих пор не включен в общую историю сибирской литературы и не стал предметом специальных библиографических и литературоведческих исследований¹. Данная ситуация касается не только поэзии и не только Восточной Сибири: творческая и научная деятельность православного духовенства синодального периода,

¹ Первые исследования по истории русской духовной литературы и ее библиографические обзоры появляются в XIX в., наиболее значительные из них – труды митрополита Евгения (Болховитинова) [1] и архиепископа Филарета (Гумилевского) [2]. Сведения об авторах из среды духовенства также включаются в общие словари писателей и ученых, например словарь С.А. Венгерова [3], и энциклопедии. Однако сибирские авторы во всех изданиях представлены весьма неполно, например в «Обзоре русской духовной литературы» Филарета из 425 персоналий сибирские только 14 и среди нет ни одного поэта. В сибирской библиографии В.И. Межова удалось обнаружить ссылку только на одно из описанных в настоящей статье стихотворений – «Думу» С.С. Попова [4. Т. 3. С. 239], при этом общее количество ссылок на поэтические тексты не превышает 40. Систематическое библиографирование восточносибирской литературы начинается в советский период, однако имена духовенства не включаются в списки региональных авторов [5–7]. Исключение из известных нам изданий этого периода составляет биобиблиографический указатель «Краеведы и литераторы Забайкалья», составленный Е.Д. Петряевым [8]: в нем упоминаются представители духовенства (в основном мемуаристы и ученые), однако творчество духовных поэтов в нем также не отражено.

в силу известных исторических причин, остается в целом недооцененной в отечественной гуманитарной науке, и ее изучение могло бы составить актуальный предмет исследований.

Первые дошедшие до нас оригинальные поэтические строки, созданные духовным лицом на территории Восточной Сибири, относятся к первой трети XVIII в. и с высокой долей вероятности принадлежат первому иркутскому епископу, святителю Иннокентию (Кульчицкому). Поэтические элементы содержались в проповедях, произнесенных епископом в период управления им Иркутской епархией, т.е. между 1727 и 1731 гг. Они были выявлены архимандритом Модестом (Стрельбицким) и описаны им в «Предании о проповедничестве св. Иннокентия» [9. 1871. № 11–14, 17–20, 23, 45; 1872. № 11–13, 33–35, 40, 49, 51; 1873. № 12–13, 15].

Модест обнаружил две небольшие сатирические зарисовки, обличающие пороки пьяницы и богача. «Описывая, например, безобразие пьяницы наш проповедник говорит как бы «стихами»:

В церковь приходишь пьян; Стоишь, аки истукан;
Устами позеваешь,
А очами насилу прозираешь;
С ноги на ногу переступаешь,
Хребтом стены подпираешь,
Слюну умножаешь, часто плюешь.

Или вот еще юмористические стихотворные выражения, которые влагаются в уста умирающему богачу:

О смерти немилостивая!
Не слышишь ты гласа молящего тя.
Любви не имаши,
Дружбы не твориши.
Друзья мои от жалости плачут,
А недруги мои от радости скачут.
Вчера приятели мои ордами за мною,
А ныне при смерти ни единого нет со мною...
[9. 1872. № 51. С. 687–688].

Выпускник Киевской духовной академии и преподаватель словесности в московской Славяно-греко-латинской академии (1706–1708 гг.), Иннокентий, очевидно, был знаком с техникой силлабического стихосложения и традициями барочной поэзии. Однако его собственный стих нельзя назвать силлабическим в строгом смысле (не случайно архимандрит Модест определяет его «как бы стихи»): принцип повтора количества слогов соблюдается лишь в некоторых случаях, постоянной цезуры также нет. Однако интенция к созданию стихотворного ритма очевидна: доказательство тому – регулярная рифма. Использование в проповедях поэтических элементов было не случайным и своего рода новаторским. «Мы привели очевидные

доказательства, что наш проповедник во многом подражал Кириллу Транквиллиону, Иоанникию Галятковскому и прочим, – пишет архимандрит Модест, – а равно, что во второй половине поучений он большею частью следовал новому проповедническому направлению, указанному архиепископом Феофаном Прокоповичем... который не любил ни отвлеченных, ни сухих рассуждений, ни школьных приступов и аргументаций, ни утомительной длинноты периодов; ясная, стройная и одушевленная речь – вот к чему стремился новый проповедник» [9. 1872. № 51. С. 685]. Сатирические строки, к тому же зарифмованные, а значит, легко запоминающиеся должны были сделать речь проповедника более эмоциональной и понятной его прихожанам, прежде всего, из числа простого народа.

Следующий, наиболее ранний поэтический текст, зафиксированный в «Иркутских епархиальных ведомостях», относится уже к первой трети XIX столетия. На него обратил внимание иркутский историк церкви и журналист протоиерей П.В. Громов. В статье «Первый, Первая, Первое в Иркутске» Громов упоминает в качестве «первого, из иркутских архиереев, заявившего себя поэтом» иркутского епископа Михаила II (М.И. Бурдуков), управлявшего епархией в 1816–1830 гг., и публикует его стихотворение, написанное по случаю рекреационного семинарского праздника. Приведем текст в сокращении:

Братцы! пойте и играйте
В милый сей свободы час,
Лес и горы повторяйте
Наш веселой песни глас! – Аз <...>
Друг! – Да, это шутка эха
Отзывается вот там?
Продолжай же, ну! для смеха
Нашим подражать стихам. – Вам <...>
Здесь не хуже Иппокрены
Движет дух наш Ангара
Вод журчаньем, как сирены
Пеньем. Пой же, уж пора! – Тра – ра – ра. <...>
Оживляй всечасно радость
Дух наш и теки в крови.
О! Живи невинна младость,
К счастью и наук к любви. – Живи.
Нет счастливей умных доли:
Без ученья свет – тюрьма.
Что плода с развратной воли?
Что нам будет без ума? – Сума! <...>

Публикация сопровождалась комментарием: «Стихи пелись при закате солнца среди рощи немногими отборными голосами. Остальные семинаристы, расставленные в разных местах рощи несколькими группами, выкрикивали один за другим после каждой строфы Эхо, которое, в свою оче-

редь, отражалось от прилегающих к Ангаре с восточной стороны гор и разносилось по распадкам и далеко вниз по реке. И все это вместе производило восхитительный эффект» [Там же. 1878. № 42. С. 475–476]. Написанное правильным хореем и являющееся основой театрального действия, стихотворение выглядит архаичным для своего исторического времени – эпохи расцвета русского романтизма. Скорее, оно соответствует поэтической традиции, сложившейся в духовной школе, которой и следует автор – выпускник, а затем ректор Тобольской (1799–1810 гг.) и Тверской (1810–1814 гг.) духовных семинарий. Примечательным кажется сравнение Ангары с Иппокреной. Возможно, оно является не отсылкой к античной мифологии («общим местом») классической поэзии, надежно усвоенным школьной пиитикой), но более индивидуально и опосредовано сибирским культурным контекстом: во время учебы и жизни Михаила в Тобольске, в 1789–1791 гг., в городе выходил журнал «Иртыш, превращающийся в Иппокрену», считающийся первым сибирским периодическим изданием.

Поэтические тексты XVIII – начала XIX в. единичны, а их публикация является ретроспективной. Возможно, местными священниками и миссионерами того времени было создано значительно больше произведений, но они не дошли до нас, так как отсутствовали условия для их публикации. Такие условия сложились только во второй половине XIX в., с появлением в 1863 г. у православной церкви в Восточной Сибири собственного печатного органа – «Иркутских епархиальных ведомостей» («Забайкальские епархиальные ведомости» стали выходить с 1900 г.). Выход «ведомостей» позволил обнаружить не только уже существующие тексты, но и способствовал написанию новых, благотворно повлияв на творческую активность местного духовенства. При этом разрыв между созданием текстов и временем их публикации сократился до минимума, что позволяет отследить картину живого историко-литературного процесса, а достаточный массив сочинений дает основания для их сопоставления и литературоведческого анализа.

Таким образом, основная масса поэтических произведений восточносибирского православного духовенства была создана во второй половине XIX в. Следует признать, что эти творческие опыты существенно разнятся по качеству. Значительная их часть представляет «стихи на случай», относящиеся к области наивной и подражательной поэзии. Но выявляются и авторские тексты более высокой степени оригинальности и художественного уровня, составляющие собственно духовную поэзию Восточной Сибири.

В первой группе – всевозможные поздравления, приветствия, эпитафии, донесения и рапорты в стихотворной форме, поэтические пересказы и прочее. Достаточно большое их количество объясняется, в частности, тем, что пиитика входила в обязательный семинарский курс и все выпускники имели базовые навыки стихосложения, которые и применяли с большим или меньшим успехом. Одной из ключевых поэтических семинарских практик было составление поздравлений и приветствий высшим лицам (архиерею, ректору), а также стихотворений к именинам, торжественным визитам:

Похвал, похвал наговорили
Тебе, достойный их отец!
Но только указать забыли
На золотой похвал венец:
Без пятнышка и без упрека
В Сибири жизнь чрез восемь лет
Оставит память человека,
Которого целуем след

[9. 1877. № 12].

Это стихотворение, напечатанное под названием «Стишки прот. Громова Его Высокопреподобию», интересно, главным образом, именем своего автора. Прокопий Васильевич Громов, уже упоминавшийся выше как публикатор стихотворения епископа Михаила, – известный сибирский историк церкви, первый редактор «Иркутских епархиальных ведомостей», автор порядка 200 церковно-исторических, публицистических и мемуарных сочинений. Для тех, кто знаком с литературным и научным наследием протоиерея и его языком, очевидно, насколько уступает всему написанному Громовым приведенный выше текст. Однако это не единственный его поэтический опыт. Громову принадлежит стихотворение «К академическим товарищам» [Там же. 1874. № 38], опубликованное за подписью «один из воспитанников Москов. дух. акад. III курса» и представляющее собой повествование в поэтической форме об однокурсниках иркутского протоиерея и их судьбах. Также с высокой долей вероятности именно Громов является автором подписанных одной буквой «Г.» поэтических переложений из Псалтири: «На реках Вавилонских» [Там же. 1869. № 7] и «На реках Вавилонских, тамо седохом и плакахом» [Там же. № 8].

Великолепный образец наивной поэзии дает стихотворение некоего старца, настоятеля одного из сибирских монастырей. При публикации его «Донесения в поэтическом строе» редакция «Иркутских епархиальных ведомостей» из этических соображений не называет имени автора, так как адресует стихотворение «любителям курьезов»:

<...> В сей день кавказский добрый князь
Описывал наш монастырь,
Чтоб заселить его пустырь,
И произвести в нем с миром связь <...>
Князь оный с нами пообедал,
О нашей бедности уведал!
Погода пасмурна была –
Претрудны наши все дела.
Однако в доме очень ладно,
Хотя от малой топки холодно!..
Истопника нельзя купить,
И трудно печи здесь топить!.. <...>
Вельможа нас хоть посещает,
Но помощи не обещает!..

[Там же. 1870. № 4].

«Стихотворения на случай» отражали события епархиальной и в целом губернской жизни, а также субъективную рефлексию по их поводу. Примером может служить эмоциональный поэтический отклик священника с. Листвиничное на Байкале Евгения Литвинцева, завершающий его же статью «На крушение парохода «Иннокентий»:

Холодна в синем море волна
И глубоки пучины морския,
Но житейское море темней,
И пучиной его пожираются,
Словно жадною пастью чудовища.
Столько жертв, замученных сил,
Что в виду их могил
Ничтожными кажутся
Все наши сокровища

[9. 1870. № 7. С. 82].

Несмотря на поэтические несовершенства и даже описанные выше курьезы, эти и подобные им тексты имеют ценность как исторические источники и материал для социокультурных исследований.

В хронологической же перспективе обнаруживается устойчивая тенденция к повышению общего уровня поэтической культуры и мастерства духовенства: ближе к рубежу XIX–XX вв. «качество» многих его стихотворных опытов позволяет уже всерьез говорить о них как о поэзии. Одним из важных аргументов является увеличение доли собственно духовных стихотворений: поэтического пересказа библейских сюжетов, переложения псалмов и богослужебных текстов, вариаций на тему известных евангельских строк и молитв, стихотворений рождественского и пасхального циклов, лирики общего религиозно-философского содержания.

Появляются и первые духовные поэты, выделяющиеся по количеству и эстетическому уровню сочинений. Можно назвать, по крайней мере, имена четверых таких авторов: Алексея Романова, Василия Корнакова, Василия Никчемного и Степана Попова. В среднем каждому из них принадлежит от 10 до 25 опубликованных поэтических текстов, возможно, существуют не выявленные публикации, а также рукописи.

Алексеев и Корнаков – рядовые священники, биографические сведения о них раскрываются только на основе клировых ведомостей церкви, где они служили, и редких упоминаний в официальной части епархиальных ведомостей.

Относительно Романа Алексеева известно то, что в 1880-е гг. он обучался в Нерчинском духовном училище. Об этом свидетельствует его первое «Детское стихотворение (при поздравлении с праздником)» (*Сижу я за столом / Пишу я Вам письмо: / И как я радуюсь, / Что сделался писцом! / Но тем я не горжусь / И нечем тут гордиться, / Но ведь под старость лет / И это пригодится...*), опубликованное за подписью «Ученик II класса Нерчинского духовного училища Роман Алексеев. 13 января 1883» [Там же. 1883. № 9].

В конце 1880-х – начале 1890-х гг. Алексеев учился в Иркутской духовной семинарии: сведения о нем имеются в разрядных списках воспитанников за 1891 и 1892 гг. [10. 1891. № 27; 1892. № 27]. По окончании семинарии в 1892 г. был назначен псаломщиком в село Казачье Балаганского уезда Иркутской губернии, затем состоял в той же должности при Спасском соборе города Киренска, а также в нескольких церквях Балаганского уезда. В 1902 г. был рукоположен во священника и исправлял эту должность в нескольких сельских приходах Нижнеудинского уезда. Последняя о нем информация относится к 1905 г., тогда он являлся священником церкви Михаила Архангела в селе Шамановское.

Все дошедшие до нас стихотворения Алексева относятся к периоду его обучения в семинарии и опубликованы в прибавлениях к «Иркутским епархиальным ведомостям»: «Единоборство Давида с Голиафом» [9. 1888. № 38]; «На реках Вавилонских тамо седом и плахом, внегда помянути нам Сиона. Подражание псалму 136» [Там же. № 20]; «Смерть Самсона» [Там же. № 13]; «Из ветхозаветной жизни» [Там же. 1889. № 38]; «На новый 1890 год: (Посвящ. моим товарищам)» [Там же. 1890. № 1]; «Посольский монастырь» [Там же. № 45].

В своих ученических стихах Алексеев следует традиции переложения псалмов, имеющей в русской литературе собственную богатую историю [11]. Примером может служить стихотворение «На реках Вавилонских тамо седом и плахом, внегда помянути нам Сиона. Подражание псалму 136»:

Мы с плачем сидели у рек Вавилона
И, полные горя, страданья, тоски,
Мы там вспоминали о нашем Сионе,
Повесив на ивах органы свои

[9. 1888. № 20. С. 190].

Псалом перелагается достаточно близко к тексту, поэтическую вольность автор допускает, домысливая чувства пленённых евреев.

Несмотря на ученический характер стихов Алексева, сам факт публикации в епархиальном издании свидетельствует о достаточно высокой их оценке. Подтверждением может служить комментарий редакции к стихотворению «Смерть Самсона»: «Печатаю это стихотворение молодого автора в видах поощрения его к занятию священной поэзией, мы бы советовали ему испробовать свои силы в переложении в стихотворную форму высоко поэтических стихотворений Григория Богослова, переведенных прозой на русский язык и помещенных в Творениях св. Отцев за 1843 год. Если эти переложения будут удачны, мы с удовольствием будем печатать их в Иркутских Епархиальных Ведомостях. Ред.» [Там же. № 13. С. 118].

Но безусловно лучшее стихотворение Алексева – «Посольский монастырь» – является полностью оригинальным по своей тематике:

Давно затих он... Грустью лишь одной
Теперь от стен его печальных веет.

Он весь окутан мертвой тишиной,
Он весь и разлагается, и тлеет.
Угрюмый, он стоит передо мной
И будто о былом своем жалеет...
А там, вдали, еще надежд полна,
Шумит, звенит байкальская волна.
Все тихо здесь. Молчание кругом.
Лишь зазвучит церковный звон порою.
И стихнет сразу в небе голубом,
Лишь пенье пронесется вдруг святое...
Все тихо... Все объято мертвым сном...
Все предано забвению и покою...
Лишь там, вдали, еще надежд полна,
Шумит, звенит байкальская волна

[9. 1880. № 45. С. 11].

В Посольском Спасо-Преображенском мужском монастыре находилась Забайкальская духовная миссия, и обитель была духовным центром всего региона, а ее здания – его архитектурной доминантой. Пережившая период расцвета в 1860-е гг., в 1880-е, после перенесения резиденции духовной миссии в Читу, обитель стала быстро приходить в упадок, и в 1890-е оказалась под угрозой закрытия. Именно этот момент и описан в стихотворении. В 1900 г. с целью спасения монастыря он был преобразован из мужского в одноименный женский¹.

К сожалению, сочинений Алексеева, опубликованных после окончания им семинарии, выявить не удалось.

Василий Андреевич Корнаков родился 18 января 1879 г. в селе Шергино Забайкальской области в семье протоиерея. С 1897 г., очевидно по окончании духовного училища, стал псаломщиком Казанской церкви в родном селе и учителем местной церковно-приходской школы. В 1899 г. был рукоположен во диакона при той же церкви. В 1904 г. переведен диаконом в собор г. Верхнеудинска, преподавал Закон Божий в церковно-приходской школе. В 1905 г. поступил в Иркутскую духовную семинарию, но из-за тяжелого материального положения семьи через два года был вынужден прервать обучение. Но даже неоконченный семинарский курс позволил ему получить священническое место. В 1908–1917 гг. служил свя-

¹ Истории монастыря посвящено известное произведение сибирской мемуаристики – «Письма из Посольского монастыря» [12] Вениамина (Благодравова), в 1860-е гг. епископа Селенгинского, начальника Забайкальской духовной миссии и настоятеля Посольского монастыря, в 1880–1890-е гг. – архиепископа Иркутского и Нерчинского. Письма включают одно из самых поэтичных и известных описаний обители: «Поставленный на берегу моря (так здесь принято называть Байкал), монастырь кажется как бы плавающим по морю. А под сиянием вечерних лучей солнца, с своими белеющимися церквями, он мне казался горним Иерусалимом, сходящим с небес» [Там же. С. 3]. Вероятность того, что Алексеев был хорошо знаком с трудами архиепископа Вениамина и использовал их в своем поэтическом творчестве.

щенником при нескольких церквях, расположенных на станциях железной дороги. В 1917 г. стал настоятелем церкви на ст. Оловянная. После революции был священником в Верхнеудинске. В начале 1930-х гг. его арестовали. Отбывал ссылку в Кустанае (Казахстан). В 1944 г. был освобожден и вернулся в Улан-Удэ. Служил в приходе Свято-Вознесенской церкви вплоть до своей кончины в 1958 г.

Корнаков стал одним из первых авторов «Забайкальских епархиальных ведомостей», в первые четыре года существования газеты в ее неофициальном отделе было опубликовано 15 его стихотворений: «Вход Господень во Иерусалим» [13. 1900. № 7]; «Рождество Христово» [Там же. 1901. № 1]; «Молитву пролию» [Там же. 1903. № 15]; «Житейское море» [Там же. № 17/18]; «Утро» [Там же. № 23]; «Иди к Нему» [Там же. № 23]; «Поэт» [Там же. 1904. № 1/2]; «Молитва Ангелу Хранителю» [Там же. № 3]; «Цветок» [Там же. № 4]; «О сердце, сердце!» [Там же. № 6]; «К Богу!» [Там же. № 7]; «К труженику» [Там же. № 7]; «Мать» [Там же. № 9]; «Любовь» [Там же. № 10 /11]; «Навстречу жизни» [Там же. № 10 /11].

Источником поэтического вдохновения для Корнакова служат библейские тексты: в основе стихотворения «Любовь» лежат слова из первого соборного Послания Иоанна Богослова «пребывающий в любви в Бозе пребывает» (4:16); стихотворения «Цветок» – слова Евангелия от Матфея (6:28), являющиеся частью Нагорной Проповеди и содержащие заповедь не заботиться о завтрашнем дне, подобно лилиям полевым; стихотворение «Утро» является переложением псалма 103 о происхождении мира – «Вся премудростию сотворил еси».

Особое место в творчестве поэта занимает жанр молитвы, именно в нем поэтические опыты Корнакова представляются наиболее удачными.

Молитву пролию

Молитву жаркую, Спаситель,
К Тебе я ныне пролию;
Тебе, Сладчайший мой учитель,
Я расскажу печаль мою!
Душа исполнена смущенья,
Её томит греха позор,
В ней ад кипучего мученья
И страшной смерти приговор.
Но Ты, Владыка мой Всесильный,
Воздвигни падшего душой!
Взывая, верю я, бессильный,
Простишь меня, Спаситель мой!

[Там же. 1903. № 15. С. 254].

Корнакову присуще самоощущение как поэта. Размышляя о своем творческом пути, он говорит о «поэте нравственных начал» и утверждает ценность христианских истин в творчестве:

Поэт

<...> Но смолки струны звучной лиры
 В душе поэта. Думал он:
 Все тлен, всё ложные кумиры,
 И дух мой ложью заражён.
 Любовь и нравственность святая
 В делах поэта быть должна,
 И вера чистая, живая
 Должна быть в сердце возожжена.
 И облик истинный поэта,
 Поэта нравственных начал,
 Как луч небесного рассвета,
 Пред взором умственным предстал <...>

[13. 1904. № 1/2. С. 11–12].

Гимном человеку-христианину и факту его Богообщения звучат слова стихотворения «О сердце, сердце!»:

<...> О, человек, венец творенья,
 Разумный, славный царь земной!
 Ищи, по воле Провиденья,
 Незримый, чудный жребий свой.
 Он там – в Начале без начала,
 В бессмертном чудном бытии,
 И где Творца сияет слава –
 Там все желания твои <...>

[Там же. № 6. С. 76].

Поэтический язык Корнакова не всегда богат и правилен, что, однако, искупается экспрессивностью восприятия окружающей действительности и потребностью осмыслить её в христианских категориях.

Стихи Василия Никчемного также публиковались в неофициальном отделе «Забайкальских епархиальных ведомостей», за 1907–1915 гг. вышло 25 стихотворений: «Молитва грешника» [Там же. 1907. № 23]; «Свобода» [Там же. № 24]; «К Рождеству Христову» [Там же. 1908. № 1]; «Под Новый Год» [Там же. № 1]; «К другу» [Там же. № 5]; «Спаси его...» [Там же]; «Скажи мне...» [Там же. № 6]; «Ручей» [Там же. № 7]; «Пасхальный звон. Подражание И.И. Козлову» [Там же. № 8]; «Пойду, скажу сквозь слезы повесть...» [13. 1909. № 11]; «Я помню время детских дней...» [Там же. № 22/23 /24]; «На Новый Год» [Там же. 1910. № 1]; «По житейскому морю. Из Златоуста» [Там же. № 4]; «Где ты, сердце чистое...» [Там же. № 5]; «Под сильным влияньем житейских страстей...» [Там же. № 6]; «Под великопостный благовест» [Там же. № 7]; «Твою Божественную волю...» [Там же. № 16 / 17]; «Да придет Царствие Твоё!» [Там же. № 18]; «Где ты, сердце чистое, кроткое, незлобное...» [Там же. № 5]; «Лишь вера погаснет – светиль-

ник сердечный...» [13. 1914. № 7]; «Война» [Там же. № 19]; «К столетию со дня рождения М.Ю. Лермонтова» [Там же. № 21]; «Памяти отца Василия Петровича Лахина» [Там же. № 23]; «К Новому Году» [Там же. 1915. № 1]; «Война и мир. К Рождеству Христову» [Там же].

Вероятнее всего, Никчемный (другое написание Некчемный) – псевдоним. Фамилия Никчемный встречалась среди сосланных в Сибирь поляков, однако сведений о таком священнике обнаружить не удалось. Данные о поэте Никчемном на отражены и в наиболее полном на сегодняшний момент библиографическом указателе по дореволюционной литературе Забайкалья – справочнике «Краеведы и литераторы Забайкалья» [8], несмотря на то, что его составитель Е.Д. Петряев широко привлекает «Забайкальские епархиальные ведомости» в качестве источника. Василий Никчемный – поэт начала XX в. Сочинения печатались при жизни автора, и время их выхода практически совпадало со временем создания: доказательством служат стихи, посвященные Первой мировой войне, опубликованные в 1914–1915 гг. Большое количество текстов, выходявших в «ведомостях» в разные годы, свидетельствует о том, что они не были перепечаткой из других изданий, а их автор, скорее всего, жил в Забайкалье. Мы не знаем, был ли Никчемный священником или миссионером, но совершенно очевидно, что он был человеком православным и воцерковленным, а его поэзия – это собственно духовная поэзия. И, пожалуй, он наиболее талантливый из всех рассматриваемых нами поэтов.

В его стихах современная история соотносится с евангельскими событиями и время переживается литургически. Основные лирические темы: страсти человеческие и страх Господень, греховность и покаяние, свобода воли и воля Божья; любовь и вера; кризис современного мира и Церковь Христова как оплот и прибежище человека.

Приведем несколько отрывков из разных стихотворений как примеры развития этих тем:

Свобода

<...> Но как и где добыть свободу,
Как обуздать свою природу,
Как страсти все повергнуть в прах,
Чтоб в сердце веял Божий страх
И засиял свободы свет, –
Скажите, как найти ответ?
[13. 1907. № 24. С. 527].

Под великопостный благовест

<...> Ты слышишь, зовёт тебя медный глашатай
Под мирные своды в храм Божий святой;
Спеши же туда и бедняк, и богатый,
И грешник холодный с суровой судьбой.
Не медли, зовёт тебя церковь святая,

Зовёт, чтоб согреть тебя лаской своей;
Как к матери, ты припади и рыдая
Там все Расскажи ей о жизни своей
[13. 1910. № 7. С. 173–174].

Да придет Царствие Твоё!

Утеряно светлое царство свободы <...>.
То было блаженство счастливого века;
Но вскоре свершился позор роковой:
Забыт был Создатель в душе человека –
Мир внешний там занял все только собой <...>
[Там же. № 18. С. 489–490].

Лишь вера погаснет – светильник сердечный...

<...> Но только лишь вера в груди загорится,
Мир вдруг облечется в прекрасный покров,
В нём сила живая над тлением зрится,
И творчество жизни средь смертных оков.
До времени в мире царит перемена –
То жизни, то смерти закон роковой –
Мир сбросит оковы смертельного плена,
Залог тому вера – дар Бога святой
[Там же. 1914. № 7. С. 249].

Никчемный также создает поэтические вариации на тему ключевых текстов христианской традиции. Например, слова Иоанна Златоуста – «Мачтой пусть будет тебе Крест, якорем – вера, канатом – надежда, веслом – молитва, кормилом – правые помыслы, парусом – Христос, попутным ветром – Дух Святой, Кормчим – Отец всяческих» – положены в основу стихотворения «По житейскому морю»:

Пусть тебе мачтой крест будет святой,
Якорем вера в груди молодой,
Крепкий канат твой – надежда, мой друг,
Сильные весла – молитвенный дух.
Пусть парус твой будет Владыка Христос,
И чтоб тебя ветер противный не снёс,
Правые мысли пусть правят рулём
В море житейском твоим кораблём.
А ветром попутным пусть будет твоим
Тихое «веянье Духом Святым»,
И в пристани будешь ты, друг, наконец,
Где ждёт тебя Добрый Небесный Отец
[Там же. 1910. № 4. С. 77].

Интересный пример подражания авторскому литературному тексту – стихотворение «Пасхальный звон». В подзаголовке сам Никчемный указывает, что это «подражание И.И. Козлову», имея в виду его известное стихотворение «Вечерний звон»:

Пасхальный звон, пасхальный звон!
 О чем напомнил ныне он?
 О детских днях в краю родном,
 Стоит где церковь – Божий дом,
 И помню ясно, как сейчас,
 Я был в нём с матерью не раз.
 Как жаль мне светлых детства дней
 И друга матери моей:
 Её уж нет теперь в живых,
 Она в обителях иных.
 Не тайна где могильный сон –
 Ей слышен там пасхальный звон.
 Быть также мне в земле сырой!
 Напев могучий надо мной
 Бессмертный гений пронесёт,
 Душа моя его поймёт:
 И хоть могильный крепок сон,
 Дойдёт ко мне Пасхальный звон!

[13. 1908. № 8. С. 181–182].

Полностью сохранен ритмический рисунок оригинала – размер стиха и все рифмы, много повторов лексики, вплоть до целых словосочетаний. Но тем значительнее выглядит изменение основной идеи и настроения стихотворения. У Никчемного, в отличие от Козлова, стихотворение посвящено не женщине, а матери; отчий дом становится домом Божиим; тема ухода, забвения, смерти и могильной тишины заменяется на тему преодоления смерти и обретения бессмертия души.

Если бы удалось установить подлинное имя автора, скрывающегося за псевдонимом Никчемный, и, возможно, разыскать другие его публикации, это существенно обогатило бы историю дореволюционной забайкальской литературы. На наш взгляд, его творчество и поэтический талант вполне сопоставимы с именем самого известного местного поэта XIX в. – Ф.И. Бальдауфа.

В настоящем исследовании критерием отбора авторов принята их принадлежность к духовному сословию. Сущность метода такова, что описывается весь массив созданных тем или иным духовным лицом сочинений – и уже в нем выделяется собственно духовная поэзия. То есть понятия «поэзия духовенства» и «духовная поэзия» признаются пересекающимися, но не тождественными. Однако возможен и иной подход – не от сословной принадлежности поэта, а от содержания его произведений, что позволит включить в круг духовных писателей и светских авторов. Первый подход

более значим с историко-краеведческой точки зрения, второй оправдан литературоведчески и направлен на раскрытие самой сущности духовной литературы.

Оба они применялись уже первыми историками и библиографами русской духовной литературы – митрополитом Евгением (Болховитиновым), автором «Словаря русских писателей духовного чина» [1], и архиепископом Филаретом (Гумилевским), автором «Обзора русской духовной литературы» [2]. Если митрополит Евгений учитывал только писателей «духовного чина» (для светских авторов им был создан отдельный словарь [14]), то архиепископ Филарет за основание принимал само содержание текстов и включал в свой обзор наряду с духовенством и светских писателей – Ломоносова, Державина, Пушкина, Лермонтова и др. Свою точку зрения он аргументировал следующим образом: «Кому ныне придет на мысль настаивать на том, что труд для Св. Евангелия – не духовный труд оттого, что это – труд Чеботарева?» [2. С. 278].

В Восточной Сибири XIX столетия таким светским духовным поэтом был выходец из купеческого сословия, известный в Иркутске своего времени общественный деятель и журналист – Степан Степанович Попов.

Дата рождения Попова определяется условно – около 1830 г. По свидетельству иркутского летописца Н.С. Романова, «...отец его был иркутский очень состоятельный и развитый купец, старавшийся дать своим детям хорошее воспитание и образование» [15. С. 514]. По матери Попов принадлежал к знаменитому в Сибири роду купцов Трапезниковых [9. 1887. № 10. С. 83]. Он учился в Иркутской гимназии Щукина и Седакова, но за смертью отца курса не кончил. Получив в наследство значительный капитал, некоторое время жил в Петербурге.

Вернувшись в Иркутск, Попов занялся общественной деятельностью, одной из ярких страниц которой стала попытка создания в начале 1850-х гг. публичной библиотеки в Иркутске. «С.С. Попов выписывал для библиотеки иностранные журналы, наиболее ценные издания по беллетристике, географии, истории. Библиотека имела 40 подписчиков, большая часть которых состояла из мелких чиновников и лавочников». Однако из-за дороговизны подписки, библиотека просуществовала всего несколько лет». [16. С. 30–31]. Значительную часть книг в 1856 г. Попов подарил научной библиотеке СО ИРГО, членом-соревнователем которого стал еще в 1853 г. и не прекращал сотрудничества с обществом до конца жизни. В начале 1860-х гг. он сблизился с либеральным областническим движением и в 1864 г. проходил по делу Г.Н. Потанина, связанному с появлением и распространением прокламаций «Сибирским патриотам» и «Патриотам Сибири» [17. С. 176–179].

Но с 1880-х гг. С.С. Попов обращается к Церкви. Об этом свидетельствует интерес, проявляемый им к религиозной и церковно-исторической проблематике. В 1885 г. в «Иркутских епархиальных ведомостях» выходит его трактат «Ложная надежда на спасение есть путь к гибели. Беседа мирянина с своими собратьями мирянами» [9. 1885. № 10–12]. В статье раскрываются основные положения учения о невозможности спасения человека вне церкви, Хри-

ста и Божественной Благодати, а также без приложения личных к тому усилий (синергизм). Свидетельством разысканий в области церковной истории является подготовленная Поповым публикация «Старинные рукописи об освидетельствовании и открытии св. мощей преподобного Феодосия Тотемского Чудотворца и пожертвования императора Павла I Спасосумарину монастырю, где сии мощи почивают» [9. 1887. № 10–12].

В сотрудничестве с епархиальными ведомостями раскрывается и поэтический талант Попова, на их страницах публикуются его стихотворения: «Теперь и после» [Там же. 1883. № 51]; «Переложение молитвы Господней» [Там же. 1884. № 21]; «Поклонникам златого кумира» [Там же. № 43]; «Воскресение Христово» [Там же. № 15]; «Пасхальная песнь» [Там же. 1885. № 13]; «Слово Божие есть свет и жизнь» [Там же. № 14]; «На рождество Христово» [Там же. 1886. № 52]; «Кто грешнее?» [Там же. № 13]; «Его высокопреосвященству архиепископу Иркутскому и Нерчинскому Вениамину на отъезд его из Иркутска в Санкт-Петербург» [Там же. № 38]; «Песнь воскресению Христову» [Там же. 1887. № 15]; «Приветственная песнь высокопреосвященнейшему архиепископу Иркутскому и Нерчинскому Вениамину в день возвращения его в Иркутск 24 сентября 1887 года» [Там же. № 41]; «Рождество Иисуса Христа и первые годы его земной жизни. (Из сочинения: «Жизнь Иисуса Христа, изложенная в стихах по евангельскому тексту»)» [Там же. 1889. № 52]; «Сила молитвы к Иисусу Христу» [Там же. 1888. № 30]; «Богоматерь у креста Спасителя» [Там же. 1890. № 12]. Некоторые публикации подписаны псевдонимом «Сибиряк-старожил», иногда используется двойная подпись «Попов Ст.Ст. Сибиряк-старожил»).

Как видно из названий, у Попова есть «стихи на случай», имеются и примеры религиозно-дидактической поэзии – «Поклонникам златого кумира».

Но основное место занимают стихотворения пасхальной и рождественской тематики, в которых автор говорит о смысле христианских праздников и пытается раскрыть некоторые богословские понятия. Источником вдохновения является для него храмовая литургическая поэзия, например пасхальная служба:

Пасхальная песнь

Христос воскрес из мертвых
И смертью смерть поправ,
И во гробах лежащим
Жизнь снова даровал.
Воскрес – и силу ада
Навеки сокрушил,
От тли воздвиг Адама
И падших воскресил <...>

Переложение молитвы Господней

Отец нас сущий в небесах!
Твое в нас имя да святится,
И в помышленьях, и в делах
Для всех Твое да придет царство,
Во всем Твоя да будет воля
И на земле, как в небесах.
Насущный хлеб в потребной доле
Ты даруй нам на этот день.
Прости нам наши прегрешенья,
Как мы прощаем должникам.
Не допусти до искушенья
И от лукавого избавь.
Предела нет Твой державе
И силе с славою во век.

В авторском послесловии к публикации этого стихотворения говорилось о принципах и целях переработки евангельского текста: «Излагая в стихах молитву Господню, я старался, насколько мог, буквально держаться евангельского текста в русском переводе (Мтф. VI. 9–13; Лук. XI. 2–4), в необходимых же для рифмы и размера стиха добавочных словах я руководствовался катехизическим толкованием сей молитвы. Небольшой труд этот я решился предпринять с той целью, чтобы облегчить первоначальное знание молитвы Господней, особенно для детей, которые, как известно, лучше и легче удерживают в своей памяти прочитанное в стихах. В заключение прошу снисходительного отношения к моему посильному труду как к первому в этом роде опыту» [9. 1884. № 21. С. 251].

Помимо «Иркутских епархиальных ведомостей», С.С. Попов сотрудничал с общественно-политическими изданиями – газетой «Амур» и «Восточным обозрением». Его поэтическое наследие не исчерпывается сочинениями религиозной и церковно-исторической тематики, но включает образцы и гражданской лирики. Примером может служить стихотворение «Желанная пора», прочитанное 26 октября 1886 г. на вечере, на котором «четвертый раз молодая иркутская интеллигенция праздновала день покорения Сибири», и опубликованное в летописи Н.С. Романова [15. С. 140–142]:

Суров твой жребий, край изгнанья,
И не заслужен твой позор,
Но верь, что жребий испытанья
К концу желанному пришел.
И для тебя, наш край родимый,
Приходит лучшая пора,
И над тобой стеной незримой
Восходит светлая заря <...>.

Важным, но не раскрытым в настоящей статье вопросом является изучение литературного контекста. Необходимо аргументированное соотне-

сение поэзии сибирского духовенства с высокими образцами современной им светской и духовной лирики. Благо основания для такого сопоставления дают сами «Ведомости»: стихотворения местных авторов соседствуют в них с произведениями известных русских поэтов: от Г.Р. Державина, А.С. Пушкина, Н.А. Некрасова, А.Н. Майкова до А.С. Хомякова, В.С. Соловьева и др. Изучением этого контекста могут быть заданы перспективы дальнейшего исследования. Далеко не завершенной, как отмечалось во вступлении к статье, является и работа по выявлению самих оригинальных поэтических текстов. Однако уже на данном этапе у нас есть достаточные основания говорить о поэзии восточносибирского православного духовенства как о самостоятельном феномене, являющемся частью не только церковной, но и литературной жизни региона. Интерес представляют поэтические опыты выдающихся церковных деятелей, дополняющие их уже сложившиеся исторические портреты. Можно назвать и несколько самобытных поэтов, чьи имена вполне заслуживают быть вписанными в историю русской духовной литературы.

Изучение поэтических сочинений духовенства ведется в рамках проекта по созданию библиографического словаря «Православные духовные писатели Восточной Сибири XVIII – начала XX века» [18]. Также авторами планируется издание антологии восточносибирской духовной поэзии досоветского периода, в которую войдут все обнаруженные в ходе исследования оригинальные поэтические тексты.

Литература

1. [Евгений (Болховитинов), митроп.] Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской Церкви : в 2 ч. 2-е изд., испр. и умнож. СПб., 1827. Т. 1. 343 с.; Т. 2. 333 с.
2. [Филарет (Гумилевский), архиеп]. Обзор русской духовной литературы. 862–1863. 3-е изд., с поправками и доп. автора. СПб., 1884. [Кн. 1 и 2]. 511 с.
3. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). СПб., 1889–1904. Т. 1–6.
4. Межов В.И. Сибирская библиография : указ. кн. и ст. о Сибири на рус. яз. и одних только книг на иностранных яз. за весь период книгопечатания : в 3 т. СПб., 1891–1892. Т. 1. 1891. 485 с.; Т. 2. 1891. 470 с.; Т. 3. 1892. 303 с.
5. Литературная Сибирь: Писатели Восточной Сибири : библиограф. справ. / сост. В.П. Трушкин. Иркутск, 1971. 336 с.
6. Писатели Восточной Сибири : библиограф. указ. / Зон. об-ние б-к Вост. Сибири, Иркут. обл. б-ка им. И.И. Молчанова-Сибирского. Иркутск, 1983. 256 с.
7. Литературная Сибирь : критико-библиографический словарь писателей Восточной Сибири / сост. В.П. Трушкин, В.Г. Волкова. Иркутск, 1986–1988. Ч. 1. 1986. 303 с.; Ч. 2. 1988. 351 с.
8. Краеведы и литераторы Забайкалья : библиограф. указ. Дореволюционный период / сост. Е.Д. Петряев. 2-е изд., испр. и доп. Чита, 1981. 128 с.
9. Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1863–1917.
10. Иркутские епархиальные ведомости. 1863–1917.
11. Псалтирь в русской поэзии XVIII–XX вв. М., 1995. 384 с.
12. Забайкальская миссия (письма из Посольского монастыря). СПб., 1865. 72 с.
13. Забайкальские епархиальные ведомости. Отд. неофиц. 1900–1919.

14. [Евгений (Болховитинов), митроп.] Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России, служащий дополнением к Словарю писателей духовного чина, составленному митрополитом Евгением. М., 1838. Т. 1: от А до Г. 367 с.

15. Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1881–1901 гг. / изд. подгот. Н.В. Куликаускене. Иркутск, 1993. 544 с.

16. Полищук Ф.М. История библиотечного дела в дореволюционном Иркутске (конец XVIII века – февраль 1917 года). Иркутск, 1983. 166 с.

17. Серебrenников Н.В. Проблема авторства и датировки воззваний об отделении Сибири от России // Вестник Томского государственного университета. 2003. № 276. С. 176–179.

18. Мельникова С.В., Крючкова Т.А. Биобиблиографический словарь православных духовных писателей Восточной Сибири второй половины XIX – начала XX в. как теоретическая и методологическая проблема // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 6 (44). С. 95–111.

Poetic Experiments of East Siberian Orthodox Clergy in the 18th – Early 20th Centuries (Based on the Materials of the Eparchial Press)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 66. 241–260. DOI: 10.17223/19986645/66/13

Sofya V. Melnikova, Irkutsk Regional State Universal Scientific Library of I.I. Molchanov-Sibirsky (Irkutsk, Russian Federation), Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: memuaristika@yandex.ru

Elena V. Zhdanova, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: princess_38rus@inbox.ru

Keywords: spiritual poetry, Eastern Siberia, Orthodox clergy, “eparchial journal”.

The article presents the results of a study of the poetic writings of the East Siberian Orthodox clergy in the 18th – early 20th centuries. Currently, the object of the study is more than 100 original texts composed during this period and collected from publications in the Irkutsk and Trans-Baikal “eparchial journals”. Most of the writings, as well as the names of their authors, are first introduced into scientific discourse. In subsequent studies, the number of texts may significantly increase, but it is already obvious that the poetry of the East Siberian clergy is a serious, on the scale of pre-revolutionary regional literature, layer of works that requires a special study. The study has established that the first original poetic texts were composed between 1727 and 1731. The chances are high that they belong to the pen of the first Irkutsk bishop, St. Innocent (Kulchitsky). Archimandrite Modest (Strelbitsky) found and described the poetic details in St. Innocent’s sermons in his “Tale about St. Innocent’s Preaching” (Irkutsk, 1873). However, the poetic texts dating back to the 18th – early 19th centuries, are few. The absolute majority of the original poems were written and published in the second half of the 19th and early 20th centuries. It must be admitted that many texts were naive and imitative poetry. It was occasional poetry: congratulations, epitaphs, poetic retellings, and reports in verse. These writings are important as a reflection of the historical and cultural facts of the eparchial life and as an example of the influence on the authors of a seminary poetry course. Authorial compositions of a higher degree of originality and artistic level are represented by genres of spiritual poetry: poetic retellings of biblical scenes; translations of psalms, liturgical texts and prayers in verse; lyrics of religious-philosophical content. These writings are the main object of the study. The material is grouped as essays on the life and work of four most significant poets distinguished by the number and quality of their works: Alexey Romanov, Vasilii Kornakov, Stepan Popov, and Vasilii Nikchemnyy (pen name). The essays include brief biographical notes about the poets based on the archival documents, bibliographies of their writings, and a literary analysis of selected poems. The “eparchial journals” themselves set the literary context for reading: the

local poets' works were published on their pages next to the outstanding samples of Russian spiritual poetry (poems by Derzhavin, Lomonosov, Pushkin, by Russian religious philosophers Solovyov and Khomyakov). The study of the poetic writings of the clergy is conducted within a project on the creation of a bio-bibliographic dictionary *Orthodox Spiritual Writers of Eastern Siberia of the Second Half of the 19th – the Beginning of the 20th Centuries*. The authors of the article also plan to publish an anthology of East Siberian spiritual poetry.

References

1. Bolkhovitinov, E., metropolitan. (1827) *Slovar' istoricheskii o byvshikh v Rossii pisatelykh dukhovnogo china Greko-Rossiyskoy Tserkvi* [Historical Dictionary of Russian Writers Who Were in Spiritual Ranks of the Greco-Russian Church: in 2 vols]. Vols 1–2. 2nd ed. Saint Petersburg: Tipografiya Glazunova.
2. Gumilevskiy, F., archbishop. (1884) *Obzor russkoy dukhovnoy literatury. 862–1863* [Review of Russian Spiritual Literature. 862–1863]. Vols 1–2. 3rd ed. Saint Petersburg: I.L. Tuzov.
3. Vengerov, S.A. (1889–1904) *Kritiko-biograficheskiy slovar' russkikh pisateley i uchenykh (ot nachala russkoy obrazovannosti do nashikh dney)* [Critical-biographical dictionary of Russian writers and scientists (from the beginning of Russian education to the present day)]. Vols 1–6. Saint Petersburg: Semenovskaya Tipo-Litografiya (I.A.Efron).
4. Mezhev, V.I. (1891–1892) *Sibirskaya bibliografiya: ukazatel' knig i statey o Sibiri na russkom yazyke i odnikh tol'ko knig na inostrannykh yazykakh za ves' period knigopечataniya* [Siberian Bibliography: Index of books and articles about Siberia in Russian and books in foreign languages for the entire period of printing]. Vols 1–3. Saint Petersburg: Tipografiya I.N. Skorokhodova.
5. Trushkin, V.P. (ed.) (1971) *Literaturnaya Sibir'. Pisateli Vostochnoy Sibiri* [Literary Siberia. Writers of Eastern Siberia]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
6. Badmadorzhieva, R.Ts. et al. (1983) *Pisateli Vostochnoy Sibiri: biobibliograficheskiy ukazatel'* [Writers of Eastern Siberia: A bio-bibliographic index]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
7. Trushkin, V.P. & Volkova, V.G. (eds) (1986–1988) *Literaturnaya Sibir': kritiko-biobibliograficheskiy slovar' pisateley Vostochnoy Sibiri* [Literary Siberia: A critical biobibliographic dictionary of the writers of Eastern Siberia]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
8. Petryaev, E.D. (ed.) (1981) *Kraevedy i literaturnyye Zabaykal'ya. Biobibliograficheskiy ukazatel'. Dorevolutsionnyy period* [Local Historians and Writers of Transbaikalia. A Biobibliographic Index. Pre-revolutionary period]. 2nd ed. Chita: [s.n.].
9. *Irkutskie eparkhial'nye vedomosti. Pribavleniya*. (1863–1917).
10. *Irkutskie eparkhial'nye vedomosti*. (1863–1917).
11. Romanov, B.N. (ed.) (1995) *Psaltir' v russkoy poezii XVII–XX vv.* [Psalter in Russian Poetry of the 17th–20th Centuries]. Moscow: Svyato-Troitskaya Sergieva Lavra; Klyuch.
12. Anon. (1865) *Zabaykal'skaya missiya (pis'ma iz Posol'skogo monastyr'ya)* [Transbaikalian Mission (letters from the Ambassadorial monastery)]. Saint Petersburg: Sinodal'naya tipografiya.
13. *Zabaykal'skie eparkhial'nye vedomosti*. (1900–1919). Unofficial part.
14. Bolkhovitinov, E., metropolitan. (1838) *Slovar' russkikh svetskikh pisateley, sootchestvennikov i chuzhestранцев, pisavshikh v Rossii, sluzhashchiy dopolnениem k Slovaryu pisateley dukhovnogo china, sostavlenному mitropolitom Evgeniem* [Dictionary of Russian secular writers, countrymen and foreigners who wrote in Russian, a supplement to the Dictionary of Writers of spiritual rank, compiled by Metropolitan Evgeniy]. Vol. 1. Moscow: Izd. I.M. Snegireva.

15. Romanov, N.S. (1993) *Letopis' goroda Irkutska za 1881–1901 gg.* [Chronicle of the City of Irkutsk of 1881–1901]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
16. Polishchuk, F.M. (1983) *Istoriya bibliotechnogo dela v dorevol'yutsionnom Irkutske (konets XVIII veka – fevral' 1917 goda)* [The history of librarianship in pre-revolutionary Irkutsk (late 18th century – February 1917)]. Irkutsk: Irkutsk State University.
17. Serebrennikov, N.V. (2003) Problema avtorstva i datirovki vozzvaniy ob otdelenii Sibiri ot Rossii [The problem of authorship and dating of appeals about the separation of Siberia from Russia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 276. pp. 176–179.
18. Mel'nikova, S.V. & Kryuchkova, T.A. (2016) The bio-bibliographic dictionary of Orthodox spiritual writers of Eastern Siberia of the second half of the 19th – the beginning of the 20th centuries as a theoretical and methodological problem. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. – Tomsk State University Journal of Philology*. 6 (44). pp. 95–111. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/44/7